

Іудейскій народъ и іудейство въ періодъ образованія Талмуда (съ 70 по 500 г. по Р. Х.) ¹⁾.

Паденіе іудейскаго народа подъ ударами побѣдоносныхъ войскъ Веспасіана и Тита и разрушеніе храма іерусалимскаго, уничтоживъ основы израильской теократіи, не уничтожили іудейства какъ религіи, но глубоко измѣнили его характеръ. Съ этихъ поръ іудейство стало религіознымъ обществомъ, церковію, но уже не было государствомъ. Съ этого времени опорою его, условіемъ его продолженія до нашихъ временъ, при всѣхъ перемѣнахъ обстоятельствъ и самыхъ страшныхъ гоненій, были не государственныя учрежденія, а вѣрованія и своеобразныя обряды. вмѣсто храма и левитскаго священства видимымъ центромъ для іудейства стало преданіе, постепенно сложившееся въ книгу—Талмудъ; священникъ замѣненъ раввиномъ, приношеніе жертвъ—изученіемъ закона. Переворотъ необычайный! Съ напряженіемъ останавливается на немъ

¹⁾ Revue de deux mondes 1 Nov. 1867. Печатавъ въ Трудяхъ Киев. Д. Академіи спеціальное изслѣдованіе о Талмудѣ, мы считаемъ не лишнимъ познакомить нашихъ читателей съ очеркомъ исторіи іудейства въ періодъ образованія Талмуда, исторіи, которая безусловно необходима для пониманія этого замѣчательнаго и интереснаго произведенія, сложившагося исторически въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Предлагаемый очеркъ, переведенный съ нѣкоторыми измѣненіями, довольно кратокъ и неполонъ, но не слѣдуетъ забывать, что исторія этого періода вообще очень скудна историческимъ матеріаломъ и что Талмудъ, единственный источникъ для этого періода, даетъ очень мало историческихъ указаній; тѣмъ не менѣе однакожь, при отсутствіи изслѣдованій этой исторіи въ нашей литературѣ, предлагаемый очеркъ не лишень интереса. Прим. Ред.

мысль, внимательная въ историческихъ судьбахъ народовъ, и возникновеніе новаго іудейства представляется ей тѣмъ болѣе достойнымъ изученія, что это новое іудейство, созданное на такихъ повидимому крайне-слабыхъ основахъ, не было явленіемъ мимолетнымъ, по среди всѣхъ историческихъ невзгодъ стояло и доселѣ стоитъ твердо на своихъ зыбкихъ началахъ и не обнаруживаетъ признаковъ близкаго паденія.

Переворотъ произошелъ далеко не вдругъ. Онъ представлялся въ продолженіе всего періода отъ народнаго возстанія противъ сиріянъ до взятія и разрушенія храма Титомъ. Извѣстно, что еще задолго до насильственнаго преобразенія священническаго богослуженія книжники, учителя, писецъ, — толкователи закона, по своей популярности и дѣйствительному авторитету стояли уже гораздо выше левита и священника. Не смотря однакоже на это, когда разрушеніе храма поставило священство въ разрядъ высокихъ, но безполезныхъ должностей, требовалось долгое время, чтобы религіозное сознаніе Израиля привыкло обходиться безъ священниковъ. Въ продолженіе очень многихъ лѣтъ это сознаніе жило то въ прошедшемъ, то въ будущемъ, созидая идеалъ возстановленія прежняго порядка и желая видѣть въ настоящемъ только тяжелое, но временное испытаніе. Идея теократизма только шагъ за шагомъ отступала предъ давленіемъ настоящаго положенія вещей, и была еще довольно сильна для того, чтобы по временамъ возбуждать въ Палестинѣ революціонныя движенія, рядъ которыхъ съ постепенно-ослабѣвающей силой продолжается до начала нашихъ среднихъ вѣковъ.

Мы хотимъ прослѣдить въ краткомъ очеркѣ исторію этого времени, когда совершилось преобразованіе священническаго іудейства въ чисто догматическую религію раввинизма. Эта эпоха, называемая *таммудическою*, такъ мало извѣстная и которую мы представляемъ по лучшимъ современнымъ исто-

рикамъ іудейства, Іосту и Ірэтцу, начинается съ 70 года нашей эры и простирается до окончательнаго заключенія Талмуда—около 500 г.

I.

Печальный исходъ войны съ римлянами привелъ въ ужасъ разсѣянныхъ во всемъ мірѣ іудеевъ. Они не вѣрили, чтобы Богъ могъ до такой степени оставить свой народъ. Сотни тысячъ іудеевъ палестинскихъ погибли отъ меча, голода и язвы; множество другихъ отведено было въ рабство, послано на рудокопни, брошено на безчестіе въ дома разврата, или въ циркахъ предано на растерзаніе дикимъ звѣрямъ для потѣхи болѣе звѣрей кровожаднаго плебса. Къ довершенію отчаянія, признаки разложенія, которое повидимому грозило имперіи въ концѣ царствованія Нерона, уступили мѣсто признакамъ совершенно противоположнымъ. Сильная рука Веспасіана собрала распущенные бразды правленія народовъ, и императорская колесница снова пошла съ правильностію и безопасностію первыхъ временъ имперіи. Іудеи никогда не могли вообразить, чтобы Титъ хоть на одну минуту могъ быть *утѣшеніемъ человеческого рода*. Они знали очень хорошо, насколько можно разсчитывать на милость этого императора, которому можетъ быть не доставало только времени, чтобы сдѣлаться вторымъ Нерономъ. Они называли его не иначе, какъ *Titus rascia*—Титъ извергъ, и одна очень древняя іудейская легенда говоритъ, что, въ наказаніе за его злодѣйства, его мучила муха, которая проникла въ его мозгъ, сидѣла тамъ, росла и не давала ему покоя ни днемъ ни ночью, пока наконецъ онъ не умеръ отъ ея мученій.

Безспорно, для іудеевъ рука флавіанцевъ была очень тяжела. Они могли взвѣсить невѣроятную силу сопротивленія этого народа. Послѣднія конвульсіи побѣжденной національ-

ности были сданы въ іудеѣ страшную рѣзней. Тоже самое было въ Египтѣ, гдѣ по приказанію императора былъ разрушенъ храмъ Оіи, построенный во время сирийскаго порабощенія на подобіе и для защиты храма іерусалимскаго, — и въ Киренаикѣ, гдѣ остатки зихотовъ еще разъ подняли знамя воинственнаго іудейства. Въ то же время Веспасіанъ, любившій деньги, нашелъ приличнымъ отчислить въ пользу Юпитера капитолійскаго ту поголовную пошлину, состоявшую изъ дидрахмы ¹⁾, которую каждый вѣрующій іудей обязанъ былъ ежегодно посылать на храмъ Іеговы. Это была какъ бы военная добыча: богъ-побѣдитель присвоилъ себѣ доходы бога побѣжденнаго. Только пошлина на храмъ іерусалимскій, по крайней мѣрѣ въ Палестинѣ, никогда не вымогалась насильственно, тогда какъ *fiscus judaicus* (такъ называлась эта особая подать назначенная Веспасіаномъ) взимался съ помощію самыхъ жестокихъ мѣръ. Къ этому присоединилось униженіе особаго рода. Разсѣянные по имперіи іудеи старались по возможности уклониться отъ этой подати, которая казалась имъ не только насильемъ, но и поруганіемъ святости. Многие скрывали свое происхожденіе. Для разоблаченія ложныхъ показаній, римская полиція придумала тѣлесныя разслѣдованія возмутительно-неприличныя. Въ особенностяхъ Домиціанъ находилъ удовольствіе въ этомъ поруганіи. Светоній помнилъ, что въ дѣтствѣ онъ видѣлъ, какъ публично подвергали этому гнусному разслѣдованію одного бѣднаго стараго іудея.

Но при этомъ флавіанская политика не думала стѣснять іудеевъ собственно въ религіозномъ отношеніи. По крайней мѣрѣ религіозныя ограниченія не превышали той мѣры, какая требовалась государственными интересами, и если іудеямъ было воспрещено возстановлять разрушенный храмъ, то синагога оставалась свободною. Нужно полагать, что флавіанцы,

¹⁾ Около 45 коп.

предоставляя имъ эту льготу, не думали, что они дѣлаютъ побѣжденнымъ важную уступку. Какъ всѣ древніе и многіе изъ новѣйшихъ, они не могли себѣ представить продолжительнаго существованія религіи, оставленной безъ священства. Впрочемъ, однажды сокрушивъ политическую силу іудейства, они вовсе не заботились расположить къ имперіи опустошенную страну. Они старались только различать и развивать между побѣжденными элементы, менѣе другихъ оппозиціонные римскому началу, старались покровительствовать тѣмъ іудеямъ, которые съ самаго начала были нерасположены къ войнѣ или совѣтовали покориться послѣ первыхъ поражений. Вотъ почему они снова открыли школу Гиллела и дали предпочтеніе схоластическому, по мирному раввинизму. Между прочимъ къ этой школѣ принадлежалъ извѣстный раввинъ Іохананъ, членъ санхедрина, уже тотчасъ послѣ катастрофы положившій основу будущаго іудейства. Этотъ раввинъ Іохананъ былъ въ Іерусалимѣ во время его осады. Онъ хотѣлъ, чтобы городъ сдался. Когда его убѣжденія были отвергнуты, онъ рѣшился передаться на сторону Тита. Это было не легко. Зилотская партія очень зорко слѣдила за людьми подозрѣваемыми въ измѣнѣ. При помощи двухъ преданныхъ учениковъ, Іохананъ, уложенный въ гробъ, былъ вынесенъ за стѣны какъ трупъ. Чтобы лучше обмануть подозрѣнія стражи, хитрые ученики положили во гробъ кусокъ загнившаго мяса, запахъ котораго далъ имъ свободный пропускъ. Титъ ласково принялъ стараго раввина и позволилъ ему учредить школу въ Ямніи, на Средиземномъ морѣ. Послѣ паденія города Іохананъ могъ употреблять свое вліяніе предъ римскими властями въ пользу своихъ несчастныхъ соотечественниковъ. Не одна мѣра была смягчена, не одно семейство было спасено по его ходатайству. Онъ соединилъ вокругъ себя остатки раввинизма и не замедлилъ учредить официальный санхедринъ, авторитетъ

котораго охотно признавъ были всеми іудейскими общинами. Санхедринъ и школа, подъ предѣдательствомъ Іоханана, возстановили цѣль преданій, рѣшили религіозные вопросы и спорныя дѣла по правиламъ раввинской юриспруденціи, и для этого они должны были пересмотрѣть это сложное законодательство, чтобы примѣнить его къ новымъ обстоятельствамъ. *Насси*, или князь, т. е. предѣдатель собранія, котораго римляне позже называли патріархомъ, сдѣлался такимъ образомъ авторитетнымъ главою всехъ сыновъ Іуды.

Такимъ образомъ, возстановляя тѣнь національнаго института, Іохананъ основалъ религіозный центръ, значеніе котораго постоянно возрастало. Въ частности ямнійскій санхедринъ выработалъ законъ *sikarikon*, имѣвшій цѣлю упрочить права собственности въ отношеніи къ поземельнымъ владѣніямъ, отнятымъ насиліемъ во время послѣднихъ смутъ и протестованнымъ ихъ прежними владѣтелями. Тайная цѣль этого закона была та, чтобы воспрепятствовать инороднымъ поселенцамъ приобрѣтать земли въ Іудеѣ, и можетъ быть въ этомъ частномъ, незамѣтномъ обстоятельстве слѣдуетъ видѣть одну изъ главнѣйшихъ причинъ удивительной продолжительности возстаній народа іудейскаго.

Въ царствованіе Нервы (96—98) императорская политика была очень снисходительна въ отношеніи къ іудеямъ. *Fiscus judaicus* взимался съ меньшею жестокостію. Было дозволено принимать іудейство. Надобно полагать, что безпокойство внушаемое угрожающимъ положеніемъ пареянъ имѣло значительную долю вліянія въ этихъ уступкахъ. Многочисленное и богатое іудейское народонаселеніе, еще усиленное переселенцами изъ Палестины, утвердилось въ Месопотаміи и въ древней Халдеѣ, какъ разъ на границѣ двухъ имперій, и въ войнѣ съ пареянами, которая готова была вспыхнуть, было вовсе не безразличнымъ имѣть врага въ этомъ іудейскомъ народо-

населеніи. Этотъ расчетъ императорской политики оказался однакоже не вѣрнымъ. Нѣсколько снисходительныхъ мѣръ не могли уврачевать ранъ столь глубокихъ, столь живыхъ еще, и Траянъ, начавшій въ 114 г. войну въ этихъ отдаленныхъ областяхъ, на свою бѣду долженъ былъ убѣдиться въ этомъ. Іудеи съ береговъ Евфрата съ ожесточеніемъ поражали арміи притѣснителей своихъ братьевъ, и дорого купленные успѣхи римскаго императора, успѣхи, которыми онъ поспѣшилъ похвалиться въ своихъ донесеніяхъ сенату, были въ сущности такъ незначительны, что онъ принужденъ былъ удалиться, отказавшись отъ своихъ завоеваній. Въ то же время извѣстіе о возстаніи іудеевъ вавилонскихъ отозвалось очень далеко. Многіе изъ іудеевъ стали думать, что наступили времена Мессіи. Были оракулы, которые говорили, что Мессія явится за Евфратомъ. Іудеи Египта, Киринаи, Ливіи и Кипра подняли открытыя возмущенія. Броженіе охватило и Іудею. Первые войска, посланные противъ бунтовщиковъ, были разбиты. Взятые въ плѣнъ греки и римляне были брошены звѣрямъ въ циркахъ, въ отмщеніе за тѣ страшныя мученія, какимъ подверглось столько іудеевъ. Только цѣною громадныхъ жертвъ удалось Марцію Турбону прекратить возстаніе. Лишь только оно было подавлено, какъ Траянъ, заболѣвъ отъ утомленія и досады, умеръ въ Киликіи на возвратномъ пути послѣ этого безплоднаго и кровопролитнаго похода.

Его преемникъ Адріанъ (117—138) менѣе увлекался воинскою славою, и великою идеею его политики было повсюдное упроченіе мира посредствомъ уступокъ всякаго рода. Римскій губернаторъ Палестины Квіетъ силою хотѣлъ подавить революціонныя волненія іудеевъ. Читая къ нимъ непримиримую ненависть, онъ думалъ только объ истребленіи ихъ, и за то былъ сдѣланъ Адріаномъ. Этотъ смѣлѣйшій самовѣренный императоръ поклялся, что онъ пріобрѣтетъ симпатію этого

народа, при всемъ своемъ угнетеніи внушавшаго опасенія имперіи. Адріанъ думалъ, что благоразумными уступками страннымъ тенденціямъ іудеевъ онъ легко расположитъ ихъ къ себѣ. Однажды въ Іудеѣ распространился слухъ, будто Адріанъ рѣшился возобновить разрушенные кварталы Іерусалима и возстановить храмъ. Всѣ ликовали, энтузіазмъ доходилъ до изступленія. Одна апокрифическая сивилла въ греческихъ стихахъ воспѣла наступленіе золотого вѣка. Не одинъ христіанинъ изъ іудеевъ снова обратился въ іудейство. Со всѣхъ сторонъ присылали деньги и матеріалы, чтобы скорѣе приступить къ сооруженію величественнаго зданія.

Тяжелый обманъ! Адріанъ, по собственному ли раздумью или по внушенію нѣкоторыхъ совѣтниковъ, раскаялся, что запелъ такъ далеко; онъ объяснилъ свои прежнія обѣщанія въ другомъ смыслѣ, и между прочимъ поставилъ условіемъ, что новый храмъ будетъ построенъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ прежній. Для іудеевъ это казалось нарушеніемъ даннаго слова. Поднялось волненіе, и іудеи, не смотря на совѣты лучшихъ своихъ раввиновъ, стали втайнѣ приготовляться къ вооруженному возстанію. Заговоръ былъ веденъ такъ скрытно, что императорская полиція ничего не подозрѣвала. Она не подмѣтила даже постоянныхъ продѣлокъ и похощеній извѣстнаго раввина Акибы, который бродилъ по всей странѣ, всюду разсѣвая ненависть къ Эдому (такъ назывался Римъ и римская имперія на мистическомъ языкѣ раввиновъ) и дѣлая извѣстныя распоряженія. Адріанъ, проѣзжая чрезъ Іудею въ 130 году, могъ быть легко введенъ въ заблужденіе шумомъ привѣтственныхъ восклицаній. Выбитая тогда по его приказанію медаль представляетъ его въ императорской тогѣ принимающимъ дары отъ колѣнопреклоненной Палестины, тогда какъ трое дѣтей ея (Іудея, Самарія и Галилея) подносятъ ему пальмовыя вѣтви. Адріанъ до того былъ обольщенъ выраже-

ніями преданности со стороны трусливой и по расчету консервативной партіи, что считалъ возможнымъ запечатлѣть какимъ-либо памятникомъ то примиреніе съ іудеями, о которомъ онъ давно мечталъ; но никогда нельзя было бы отгадать той странной идеи, какую этотъ умный императоръ имѣлъ въ виду и которую онъ признавалъ за *res plus ultra* своихъ политическихъ дарованій. Іерусалимъ будетъ возобновленъ; Адріанъ сдержитъ свое императорское слово, данное іудеямъ; будетъ построены и новый храмъ на мѣстѣ прежняго, такимъ образомъ и этотъ щекотливый вопросъ будетъ рѣшенъ; только... этотъ храмъ будетъ посвященъ Юпитеру олимпійскому, и для того, чтобы увѣковѣчить память этого счастливаго примиренія, городъ переименитъ свое еврейское имя на одно изъ именъ своего возобновителя, и съ присоединеніемъ имени своего новаго верховнаго покровителя (Юпитера) долженъ будетъ называться съ сего времени *Aelia Capitolina*! Таковы были намѣренія императора. Съ точки зрѣнія римской политики эти планы можетъ быть были очень хороши; но если Адріанъ искалъ средствъ довести народъ іудейскій до бѣшеннаго отчаянія, то онъ не могъ найти лучшаго средства. Въ то время какъ императоръ беззаботно путешествовалъ по Египту, гдѣ между прочимъ дѣлалъ различныя открытія, въ родѣ того, что культъ Сераписа и религія іудеевъ были почти тождественны, — въ это время пещеры Ливана наполнились оружіемъ и военными снарядами. Раввинъ Акиба усилилъ свои таинственныя путешествія. Изъ малой Азіи и странъ парѣянскихъ толпами шли молодые люди, одушевленные какою-то необыкновенною ревностію къ посѣщенію святыхъ мѣстъ. Адріанъ послѣ продолжительныхъ путешествій начиналъ уже наслаждаться въ Римѣ отдыхомъ, въ сообществѣ фаворита своего Антиноя, какъ вдругъ до него дошла вѣсть, что въ Палестинѣ вспыхнуло возстаніе. Сначала онъ не хотѣлъ вѣрить этому; не видѣлъ

ли онъ за нѣсколько мѣсяцевъ столь рѣшительныхъ заявленій неизмѣнной преданности и безграничной расположенности со стороны всего еврейскаго народа? Однако нужно было убѣдиться. Римскій губернаторъ Тинній, захваченный врасплохъ этимъ возстаніемъ, принужденъ былъ оставить одинъ за другимъ всѣ посты занятые римскими войсками, и Іудея снова объявила себя независимой.

Героємъ этой революціи былъ одинъ неизвѣстный молодой человѣкъ изъ Козибы или Кезиба, получившій по имени своего отечественнаго города имя *Вар-Козиба* и раввиномъ Акибою, который хотѣлъ видѣть въ немъ Мессію, названный *Вар-Кохба, сынъ звезды*, по примѣненію къ пророчесственнымъ словамъ: «возсіяетъ звезда отъ Іакова» ¹⁾. Это былъ человѣкъ неимоверной силы; онъ могъ, говорятъ, легко двигать ногою громадныя камни, бросаемыя римскими метательными машинами, и, можетъ быть, обольстившись своими первыми быстрыми успѣхами, повидимому самъ вѣрилъ въ свое мессіанское достоинство. Внутреннее имъ довѣріе скоро обратилось въ благоговѣніе. Около него собрались всѣ іудеи способные носить оружіе, и если Діонъ Кассій и преувеличиваетъ, опредѣляя его силы въ 580,000 человѣкъ; то во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Вар-Кохба стоялъ во главѣ страшной арміи. Къ довершенію своей славы онъ разбилъ первыхъ посланныхъ противъ него римскія войска. Тогда Вар-Кохба надѣлъ на себя царскія регалии, и приказалъ чеканить монету съ надписью: «за освобожденіе Іерусалима». Въ отношеніи къ плѣннымъ непріятелямъ онъ былъ милостивъ, и въ своихъ рядахъ имѣлъ солдатъ изъ язычниковъ, соединенныхъ съ евреями однимъ общимъ чувствомъ ненависти къ Риму. Но онъ былъ менѣе снисходителенъ къ христіанамъ изъ іудеевъ, которые отказывались ~~принять~~ участвовать въ возмущеніи, и приказывалъ

¹⁾ Числ. 24, 17.

бичевать ихъ какъ преступниковъ закона. Возмущеніе это продолжалось два года (132—134). Адрианъ былъ вынужденъ послать изъ Британіи въ Палестину лучшаго своего полководца Юлія Севера. Этотъ послѣдній лучше предшественниковъ своихъ понялъ, что нужно было дѣлать; онъ выигрывалъ время, далъ возстанію нѣсколько улечься въ себѣ самомъ и старался методически завоевать страну правильной блокадою. Иудеи, засѣвши въ нѣкоторыхъ укрѣпленныхъ мѣстахъ, защищались, какъ всегда, съ геройскимъ ожесточеніемъ; но каждый мѣсяцъ ихъ число и средства значительно истощались. Вар-Кохба, желая воспользоваться многочисленностію своего войска, которое ему трудно было содержать въ опустошенной странѣ, напрасно усиливался вызвать римскаго полководца на генеральное сраженіе. Взятіе Бетара, въ которомъ сосредоточивалось возстаніе, рѣшило судьбу Иудеи, и самъ Вар-Кохба умеръ неизвѣстнымъ образомъ, такъ что не знаютъ, какъ погибъ этотъ послѣдній герой независимости Израиля. Иудейское преданіе, всегда склонное приписывать народныя неудачи ошибкамъ народныхъ предводителей, упрекаетъ Вар-Кохба въ чрезмѣрной самоувѣренности. «Господи,—говорилъ онъ въ своихъ молитвахъ,—если Ты не хочешь помогать намъ, то не помогай по крайней мѣрѣ нашимъ врагамъ, и мы восторжествуемъ».

Какъ можно было ожидать, неудача возстанія сопровождалась усиленнымъ гоненіемъ. Адрианъ не прощалъ иудеямъ того, что онъ называлъ измѣною. Опустошеніе страны производилось съ холодною систематичною жестокостію. Въ этой прекрасной Галилеѣ, еще недавно столь богатой естественными произведеніями, спустя нѣсколько лѣтъ показывали оливковое дерево какъ рѣдкость. Также систематично производилось и истребленіе густаго народонаселенія Палестины. Цѣлыя колоніи женщинъ и дѣтей были выселены и отданы въ

рабство. Нѣсколько фактовъ, сохраненныхъ іудейскимъ преданіемъ, поразительно характеризуютъ современное положеніе іудеевъ. Ливанскія пещеры служили убѣжищемъ для нѣсколькихъ партій бѣжавшихъ изъ Іудеи. Однажды въ субботу одна изъ этихъ партій услышала стукъ желѣзныхъ сандалій людей входившихъ въ пещеру. Это также были іудеи искавшіе убѣжища, но въ совершенной темнотѣ нельзя было различить ихъ. Каждая сторона видѣла въ другой враговъ; несчастные бросились другъ на друга, душили и убивали другъ друга въ порывѣ неописанной ярости. Отъ этого обстоятельства получило начало постановленіе Талмуда, запрещающее іудеямъ носить желѣзные сандалии въ день субботній. Другой случай: столпившись въ одной пещерѣ, сврейскіе бѣглецы припуждены были ѣсть человѣческое мясо, чтобы не умереть съ голода. Въ окрестностяхъ было множество труповъ, и каждый изъ укрывшихся бѣглецовъ по очереди долженъ былъ выходить изъ пещеры и искать трупа годнаго для питанія. Однажды одинъ изъ бѣглецовъ при своихъ поискахъ нашелъ только трупъ своего отца. Онъ не могъ рѣшиться принести его въ пещеру и возвратился съ пустыми руками. Другой посланный послѣ него былъ счастливѣе. Голодная толпа, а вмѣстѣ съ нею и первый посланный, съ жадностію удовлетворяють голодь принесеннымъ трупомъ. По удовлетвореніи голода посланный рассказываетъ, гдѣ и какъ взялъ онъ свою находку, и сынъ открываетъ, что онъ ѣлъ тѣло своего отца!—Одна эта черта можетъ изобразить весь ужасъ положенія. Въ воспоминаніе ужасныхъ несчастій этой войны, которую раввины называли *תלמידי חורבן*, было постановлено, чтобы невѣсть болѣе не носить въ брачный домъ на богато-украшенныхъ носилкахъ.

Адрианъ возвысиль и подать, известную подѣ именемъ *fiscus judaicus*. На мѣстѣ Іерусалима и храма прошелъ плугъ, въ знакъ того, что для прежняго іудейскаго города было все

кончено. Элія Капитолина, новый городъ, построенный по приказанію Адріана, былъ расположенъ къ сѣверу отъ прежняго, на мѣстѣ прежнихъ предмѣстій. Императоръ поселилъ здѣсь колоніи изъ солдатъ-ветерановъ, финикійцевъ и сирійцевъ. Его собственная статуя, статуи Юпитера капитолійскаго и другихъ греческихъ и финикійскихъ божествъ украсили храмъ, построенный на развалинахъ святилища Іеговы. Иудеямъ подѣ страхомъ смертной казни запрещено было переступать черту новаго города. Адріанъ приказалъ также построить храмъ Юпитера на горѣ Гаризинъ—святой горѣ самарянской, и храмъ Венеры на Голгоѣ! Три священныхъ горы, съ которыми соединено было столько высокихъ преданій, Адріанъ хотѣлъ осквернить тремя языческими куклами, столько противоположными іудейскому монотеизму. Въ вилеемской пещерѣ, освященной великимъ событіемъ христіанской исторіи, также было поставлено изображеніе Адониса. Обрѣзаніе и соблюденіе субботы были запрещены подѣ угрозой жестокихъ наказаній. Законодательство систематично развило цѣлый сводъ іудейскихъ законовъ, представляющій сѣбѣ запрещеній и ограниченій направленныхъ къ обезсиленію іудейства. Словомъ—*эдикты Адріана* открывали эру систематическаго преслѣдованія іудейства даже и какъ религіи.

Санхедринъ возстановленный раввиномъ Іохананомъ разсѣлся. Однакоже нѣкоторые іудейскіе ученые тайно собрались въ Лиддѣ, чтобы обсудить настоящее положеніе дѣлъ. Одни говорили, что лучше на время уступить силѣ обстоятельствъ. «Законъ, говорили они, данъ Израилю на жизнь, а не на смерть». Другіе думали, что лучше потерпѣть всѣ мученія, чѣмъ нарушить одно изъ предписаній закона. Это послѣднее мнѣніе одержало верхъ, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями, внушаемыми благоразуміемъ. Между вѣрными іудеями и римскою полиціею завязалась борьба въ хитрости, когда

одни изобрѣтали самыя невозможныя вещи, чтобы скрыть исполненіе закона подъ видимымъ нарушеніемъ его, а другая ухитрилась открыть настоящія дѣйствія іудеевъ. Талмудическое преданіе сохранило имя одного отступника по имени Ахера, который, зная всѣ продѣлки раввинизма, хотѣлъ составить себѣ карьеру посредствомъ доносовъ на іудеевъ. Одною изъ самыхъ тяжёлыхъ мѣръ для іудейства было запрещеніе погребать трупы соотечественниковъ, павшихъ въ войнѣ за независимость. Это въ глазахъ іудеевъ было ненавистнымъ поруганіемъ, и они напрягали всѣ силы своего остроумія, чтобы обмануть бдительность своихъ враговъ въ дѣлѣ погребенія. Римская полиція особенно усиленно старалась препятствовать открытію раввинскихъ школъ и посвященію новыхъ раввиновъ. Многіе изъ раввиновъ-учителей и учениковъ поплатились жизнью за свое упорство. Іудейское преданіе между прочимъ говоритъ о мученіи десяти раввиновъ, изъ которыхъ одинъ, Изамаиль, такъ славился своею красотою, что его огрубленная голова была послана въ Римъ дочери императора, которая пожелала ее видѣть. Раввинъ Акиба, руководитель этого движенія, до сихъ поръ какъ-то ускользалъ изъ рукъ гонителей. Наконецъ во время преподаванія закона онъ былъ взятъ. Это былъ великій раввинскій авторитетъ своего времени. Казалось, что безъ него не къ кому обратиться за рѣшеніемъ множества спорныхъ вопросовъ, и Талмудъ рассказываетъ о хитростяхъ, къ какимъ прибѣгали его ученики, чтобы около стѣнъ его тюрьмы посовѣтоваться съ нимъ, не возбуждая подозрѣній римскихъ шпионовъ. Эти ученики, напримѣръ, перекладывались въ странствующихъ купцовъ, въ двусмысленныхъ выраженіяхъ кричали о своихъ товарахъ, и Акиба изъ своей тюрьмы однимъ словомъ отвѣчалъ на понятный ему вопросъ. Старый раввинъ окончилъ жизнь въ страшныхъ пыткахъ, произнося слово «единный». Это былъ послѣдній вздохъ израильской теократіи.

II.

Раввинизмъ еще разъ спасъ іудейство отъ конечной гибели. Одинъ старый раввинъ, по имени Іуда, видя, что всѣ ученые умерли или находились въ опасности умереть, рѣшился съ опасностью жизни дать *semicha*, т. е. посвященіе, семи ученикамъ раввина Акибы, которыхъ самъ Акиба не могъ посвятить при жизни своей. Не смотря на строжайшій надзоръ римскихъ властей, ему удалось собрать семь кандидатовъ въоединономъ мѣстѣ и возложить на нихъ руки. Едва только успѣли окончить этотъ обрядъ, какъ ихъ накрываетъ римская полиція. Ученики хотѣли защищать старца, но онъ приказалъ имъ искать спасенія въ бѣгствѣ, и они должны были повиноваться. Солдаты могли схватить только стараго раввина, и на мѣстѣ изрубили его. Тѣмъ не менѣе цѣль религіознаго преданія не была порвана, а между тѣмъ Адріанъ умеръ. Его преемникъ Антонинъ Пій, не имѣя личной ненависти къ іудеямъ, смалился надъ несчастными и отменилъ многіе эдикты. Однакоже онъ оставилъ въ силѣ запрещеніе прозелитизма и запрещеніе входить въ новый Іерусалимъ. Семь учениковъ Акибы, недавно посвященные, соединились въ Ушѣ и здѣсь открыли большую раввинскую школу.

Теократическая партія была ослаблена и физически и нравственно. Вар-Кохба—*сынъ звезды* для большей части іудеевъ сталъ *Вар-Козаба*—*сынъ лжи*. Но когда двадцать три года спокойствія дали палестинскимъ іудеямъ средства собраться съ силами, то въ 161 году мессіанскія иллюзіи снова подняли революцію. Вѣроятно, новые зилоты рассчитывали на царяня, грозившихъ объявить войну имперіи. Это возстаніе было скоро подавлено. Царяне не могли помочь ему во время, и единственнымъ результатомъ возмущенія было возобновленіе эдиктовъ Адріана по приказанію Вера, который былъ тогда на

востоки и скоро умерь здѣсь, истощенный излишествами всякаго рода. Депутация изъ раввиновъ, посланная къ Марку Аврелію, успѣла однакоже исходатайствовать отмѣненіе этихъ эдиктовъ.

Партія раввиновъ, расположенныхъ къ миру и понимающихъ положеніе дѣлъ, болѣе и болѣе получала авторитета въ глазахъ іудеевъ. Матеріальный блескъ римской цивилизаціи также смягчалъ этихъ страшныхъ пуританъ. Одинъ талмудическій источникъ говоритъ, что раввины: Іуда, Іосія и Симонъ Бен-Іохай однажды разсуждали въ Ушѣ о заслугахъ имперіи. Іуда превозноситъ великія дѣла имперіи для пользы общественной. «Римляне, говорилъ онъ, построили города съ широкими улицами, построили мосты на рѣкахъ, устроили термы для здоровья. «Да», возразилъ на это Симонъ, «но они все это дѣлали только изъ-за жадности и эгоизма; они въ городахъ содержатъ развратные дома ¹⁾, ихъ бани служатъ только для разврата, и мосты обложены огромными пошлинами за проѣздъ». Іосія слушалъ, но не высказалъ ничего похожего ни на похвалу, ни на порицаніе.—Этотъ послѣдній представляется наиболѣе вѣрнымъ выразителемъ общественнаго мнѣнія своихъ соотечественниковъ. Очень немногіе раздѣляли энтузіазмъ Іуды относительно римской администраціи; но также ослабѣвалъ и пуританскій ригоризмъ Симона. Іудейство, не желая ни мечтать, ни упорствовать въ невозможномъ, сосредоточивалось само въ себѣ, предпочитая молчать и ждать. Факты однакоже говорили довольно громко, чтобы заставить его отказаться отъ молчанія. Тогда какъ въ Іерусалимѣ стояла статуя Юпитера капитолийскаго, раввины, посланные въ Римъ къ императору Марку Аврелію, по

¹⁾ Въ этомъ упрекаютъ язычниковъ и христіанскіе апологеты. Римская имперія въ періодъ упадка въ проституткамъ искала средствъ къ усиленію государственныхъ доходовъ.

особенной милости его получили позволеніе посмотрѣть въ Капитоліи священныя памятники іудейской религіи, за столѣтъ передъ тѣмъ взятые Титомъ—священные сосуды, первосвященническое облаченіе и завѣсу святилища ¹⁾). Однакоже съ тѣхъ поръ, какъ эти священные памятники были отняты у святой земли, іудейство все еще живо...

Идея, надежда когда-либо свергнуть римское иго посредствомъ божественной помощи и пришествія Мессіи не переставала отзывать въ народныхъ массахъ, и каждый разъ, когда политическія обстоятельства слагались неблагопріятно для этой надежды, замѣтны были революціонныя волненія. Такъ напримѣръ, когда Септимій Северъ, вслѣдствіе своихъ походовъ на востокъ, усилилъ и безъ того обременительные для Палестины налоги, то снова появились партизанскія шайки революціонеровъ, которыя Вассіанъ Каракалла не могъ совершенно уничтожить, хотя они скоро сами собою разсѣялись, что показываетъ ихъ незначительность. Религіозныя эдикты Севера имѣли цѣлю подворить миръ между іудеями, христианами и язычниками, и поэтому запрещали прозелитизмъ изъ одной религіи въ другую; но вообще династія Северовъ, подъ вліяніемъ императрицы Юліи Домны, очень любившей восточную философію, относилась сочувственно къ восточнымъ религіямъ. Въ особенности при Геліогабалѣ и Александрѣ Северѣ замѣтно было это сочувствіе и, по очень странному стеченію обстоятельствъ, почитатели Іеговы пользовались полнымъ миромъ и терпимостію при императорѣ-первосвященникѣ религіи Ваала. Александръ Северъ и мать его Юлія Маммея были положительно благосклонны къ іудейству, и дали ему почетное мѣсто въ томъ религіозномъ синкретизмѣ, который соединялъ въ одномъ и томъ же культѣ Авраама и Орфея,

¹⁾ Иудейскіе историки говорятъ, что эти трофеи Тита были взяты изъ Рима Гензерихомъ и перевезены имъ въ Африку. Дальнѣйшая исторія ихъ неизвѣстна.

Аполлонія Тіанскаго и Ісуса Назарянина. Въ слѣдствіе этихъ мѣръ евреи однакоже не измѣнили ригоризма, предписываемаго раввинскимъ ученіемъ въ отношеніи къ язычникамъ. Въ продолженіе 3-го вѣка іудей, доведенные до безсилія, жили болѣе и болѣе сосредоточиваясь въ себѣ самихъ, погружившись въ буквальное исполненіе своего закона сообразно съ раввинскими толкованіями,—то угнетаемые въ частностяхъ со стороны всегда подозрительной политики имперіи, то терпимые и даже покровительствуемые императорами, менѣе расположенными къ римскимъ преданіямъ. Основаніе и минутный блескъ царства палмырскаго (259—273 г.), сильная склонность къ монотеизму царицы Зиновіи, нетерпимая политика Діоклитіана не произвели замѣтной перемѣны въ положеніи іудеевъ. Діоклитіанъ въ дѣлѣ религіи любилъ только древность. Онъ не терпѣлъ новизны и разногласія, и поэтому его эдикты, столь жестокіе въ отношеніи къ христіанамъ и самарянамъ, щадили іудеевъ; Діоклитіанъ ихъ презиралъ, оскорблялъ, но не преслѣдовалъ. Говорятъ, что отъ іудейскаго патріарха и его товарищей, которые явились къ нему въ Панеаду съ ходатайствомъ, онъ потребовалъ, чтобы они нѣсколько дней мылись въ банѣ, прежде чѣмъ будутъ представлены къ нему. И тогда уже извѣстную репутацію имѣлъ этотъ странный народъ, болѣе всѣхъ другихъ народовъ употреблявшій омовенія въ своей религіозной практикѣ.

Но уже можно было предвидѣть день, когда іудейство не будетъ болѣе бояться языческой политики и когда его земная судьба будетъ зависѣть отъ другаго владыки. Христіанство быстро шло къ преобладанію надъ всѣми религіями; историческія обстоятельства, способности христіанскихъ епископовъ и нравственная сила христіанства, при всеобщей распущенности, предвѣщали ему полное торжество. Іудейская религія какъ сила историческая уже давно потеряла свое зна-

ченіе сравнительно съ своею евангельскою дочерью, и этимъ-то безъ сомнѣнія объясняется то относительное спокойствіе, съ какимъ пережило іудейство бурные періоды, неоднократно грозившіе уничтоженіемъ самой церкви христіанской. Константинъ, сдѣлавшись императоромъ, сначала старался лишь о томъ, чтобы узаконенная имъ религіозная свобода уважалась и въ отношеніи къ іудеямъ, такъ же какъ въ отношеніи къ христіанамъ и язычникамъ. Іудейскій патріархъ официально признавался наравнѣ съ высшими чинами христіанской церкви, и въ дѣлахъ государственныхъ титуловался *illustris, spectabilis, clarissimus*. Но болѣе и болѣе возраставшее при византійскомъ дворѣ вліяніе епископовъ скоро дало почувствовать іудеямъ ихъ зависимость отъ христіанской церкви. Эдиктъ Адріана, запрещавшій іудеямъ жить въ Іерусалимѣ (который получилъ теперь свое прежнее имя), былъ возобновленъ. Одинъ обратившійся въ христіанство іудей, по имени Іосифъ, построилъ въ Галилеѣ много христіанскихъ храмовъ, тогда какъ доселѣ христіанство пустило здѣсь лишь слабыя корни. При Констанціѣ (337—361) положеніе іудеевъ возбудило ихъ къ возстанію, которое впрочемъ скоро было подавлено. Надежды ихъ снова оживились при Юліанѣ. Этотъ романтическій императоръ не только по принципу любилъ покровительствовать древнимъ религіямъ на счетъ новыхъ, но въ виду войны съ персами намѣревался извлечь и дѣйствительную пользу изъ добрыхъ отношеній къ іудеямъ, какъ палестинскимъ такъ и живущимъ на берегахъ Евфрата. вмѣстѣ съ этимъ, жестоко преслѣдуя христіанство, Юліанъ хотѣлъ поставить преграду его распространенію поддержкою и восстановленіемъ іудейства въ его ветхозавѣтномъ значеніи. Левитское богослуженіе съ закаланіемъ жертвъ и торжественными обрядами правилось Юліану и потому, что приближалось по его мнѣнію къ языческому культу. Встѣдствіе этого

Юліанъ дать формальный приказъ построить въ Іерусалимѣ храмъ. Но, какъ свидѣлствуютъ не только христіанскіе историки, но и современный языческій историкъ Амміанъ Марцеллинъ, вырвавшееся изъ земли пламя при самомъ началѣ работы разрушило предпріятіе, противное волѣ Божіей¹⁾.

Первые преемники Юліана были аріане и къ іудеямъ относились снисходительно; но съ торжествомъ православія при Θεодосіѣ положеніе ихъ нѣсколько измѣнилось. При замкнутости и обособленности іудеевъ, при упорномъ отрицаніи ими евангельской истины, православная церковь не могла примириться съ этими врагами, распявшими Господа славы и памятными ей по жестокимъ гоненіямъ въ первыя времена христіанства. Этимъ безъ сомнѣнія объясняются рѣзкіе отзывы объ іудействѣ св. Златоуста, Амвросія и Кирилла александрійскаго. Скоро начались великія нашествія народовъ. Іудеи, какъ и христіане, въ несчастіяхъ имперіи видѣли справедливое наказаніе имперіи за ея преступленія противъ нихъ и всего человѣческаго рода. Постепенное разрушеніе громаднаго зданія, паденіе котораго влекло за собою и паденіе всего древняго міра, по мнѣнію іудеевъ, было признакомъ близкаго явленія новыхъ небесъ и новой земли, предвозвѣщенныхъ пророками, и пришествія Мессіи. Мнимый мессія дѣйствительно скоро явился въ Критѣ, и собралъ вокругъ себя толпу энтузіастовъ; но скоро, послѣ неудачи перваго чуда, исчезъ неизвѣстно куда. Политическое безсиліе іудейства обнаруживалось болѣе и болѣе. Въ послѣднее время христіанское народонаселеніе стало въ Палестинѣ преобладающимъ; святая земля покрылась монастырями, избравшими преимущественно тѣ мѣста,

¹⁾ Замѣательно, что и іудейскіе историки (Гратцы) не отрицаютъ этого факта, хотя объясняютъ его естественными причинами, что ослѣпленныя жадныя заставили оставить постройку, происходивъ въ слѣдствіе возмущенія газозъ скопившихся въ подземныхъ ходахъ и тайникахъ храма разрушеннаго Титомъ.

которые освящены были библейскими преданіями. Значительныя еще впрочемъ іудейскія поселенія, способныя поднимать возстанія еще въ VII вѣкѣ при императорѣ Иракліѣ, но изолированныя, болѣе и болѣе сокращавшіяся въ своей численности, не могли уже быть названы народомъ. Достоинство іудейскаго патріарха, официально признававшееся императорами до 425 года, Θεодосіемъ II было отмѣнено, и съ этого времени начались для іудеевъ средніе вѣка. Іудейство не имѣло уже болѣе видимаго центра, и исторія іудеевъ съ этихъ поръ разбрасывается по національнымъ исторіямъ новыхъ народовъ.

III.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ изображенію внутренней жизни іудейства въ описываемый нами періодъ, мы должны бросить бѣглый взглядъ на страну, которая въ ветхомъ завѣтѣ была землею проклятія, но которая въ настоящій періодъ сдѣлалась вторымъ іудейскимъ отечествомъ, и по численности іудейскаго народонаселенія и религіозному значенію едва ли не превосходила Палестину. Мы говоримъ о Вавилонѣ. Іудеи, оставшіеся при Кирѣ и его преемникахъ въ землѣ переселенія, образовали небольшія общины съ нѣкоторою автономіею, подъ верховною властію благосклонныхъ къ нимъ царей персидскихъ, которые на вѣрность ихъ полагались больше, чѣмъ на вѣрность прежней халдейской аристократіи. Религіозныя отношенія между іудеями вавилонскими и палестинскими не прерывались. Въ началѣ нашей эры іудейскія общины Месопотаміи и Вавилоніи были счастливы, богаты, многочисленны. Іудеями сплошь или по преимуществу населены были многіе важные города плодотворной области Евфрата,—Наардея, Пумбадита, Сира и много мѣстностей мѣтѣе извѣстныхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, напр. Машуца, лежали при Тигрѣ, почти при воротахъ Ктезифона. Это іудей-

ское поселеніе, простиравшееся въ видѣ груши отъ средняго теченія Тигра до низовьевъ Евфрата, бросало отпрыски въ сосѣднія страны и чрезъ Арменію и Каппадокію соединялось съ іудейскими колоніями малой Азіи. Извѣстно, сколько строили гипотезъ о судьбѣ десяти колѣнъ израильскихъ, отведенныхъ въ Ассирію царями ниневитскими болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до разрушенія царства іудейскаго халдеями. Одни хотѣли находить эти десять колѣнъ въ Арменіи, другіе въ Китаѣ, даже въ Америкѣ. Иостъ думаетъ, и мнѣніе свое подкрѣпляетъ очень серьезными соображеніями, что остатки этихъ колѣнъ, поселившись къ сѣверу отъ Месопотаміи и Вавилоніи, придвинулись къ своимъ соотечественникамъ поселеннымъ на югѣ, привлекаемые кровнымъ родствомъ, общностию языка, вѣры и интересовъ. Это мнѣніе лучше всего объясняетъ многочисленность іудейскаго народонаселенія въ центральной Азіи, которое кромѣ того еще постоянно увеличивалось періодическимъ притокомъ извѣстнаго количества семействъ, выселявшихся изъ Палестины всякій разъ, когда эта страна дѣлалась театромъ какой нибудь катастрофы. Этоюто многочисленностію и значеніемъ іудейскаго народонаселенія въ Вавилоніи объясняется то весьма замѣчательное, почти невѣроятное обстоятельство, что въ 20 году нашей эры два еврейскихъ выходца, два субопника изъ Наарден—Асинаѣ и Абилаи, воспользовавшись внутренними раздорами въ пароявской имперіи, создали независимое іудейское государство, которое существовало 16 лѣтъ. Съ теченіемъ времени между двумя властителями царства возникъ раздоръ, и парояне въ свою очередь воспользовались имъ, чтобы положить конецъ независимости іудеевъ.

Въ то время, когда вавилонское іудейство выходитъ изъ глубокаго мрака, покрывавшаго первыя времена его исторіи, мы видимъ его подъ управленіемъ верховной наслѣдственной

власти—*resch galuta*—*главы переселенія*, который былъ іудейскаго происхожденія и которому персидскіе цари давали извѣстное полномочіе. Парейнская имперія удержала эту организацію. *Главы или князья переселенныхъ* производили свое родословіе отъ дома Давидова. Долгое время ограничиваемые въ своихъ дѣйствіяхъ, они мало по малу достигли наконецъ самодержавной власти, или по крайней мѣрѣ значенія вице-королей: имѣли дворецъ, придворный штатъ, судобныя мѣста, полицію, и жили весьма роскошно. Такое положеніе верховной власти вавилонскихъ іудеевъ, весьма важное еще со времени возстановленія персидской имперіи Сассанидами, продолжалось, при всѣхъ перемѣнахъ обстоятельствъ, до XI вѣка.

Относительное спокойствіе и благосостояніе вавилонскихъ іудеевъ было причиною того, что въ численности и матеріальной силѣ Израиль Евфрата съ перваго вѣка нашей эры уже превосходилъ Израиль Иордана. Но во всякомъ случаѣ съ религиозной точки зрѣнія Иерусалимъ, его храмъ, его школы и его воспоминанія имѣли значеніе, котораго не замѣняли Наардея, ея князь и ея роскошь. Несмотря однакожь на это, въ Талмудѣ находятъ слѣды очень древняго стремленія вавилонскихъ іудеевъ освободиться отъ верховнаго главенства Иерусалима. Именно,—вавилонскіе іудеи хвалились, что въ нихъ кровь чище чѣмъ у іудеевъ палестинскихъ, такъ какъ они никогда не вступали въ бракъ съ иноземными женщинами, что часто дѣлали іудеи палестинскіе. Вмѣстѣ съ этимъ вавилонскіе іудеи думали, что они обладаютъ болѣе древними преданіями, болѣе прямымъ путемъ происшедшими отъ древняго Израиля до плѣна, чѣмъ какія имѣютъ іудеи палестинскіе, которые не могли собрать вѣрныхъ преданій въ Іудеѣ, гдѣ нить этихъ преданій долгое время была прервана. И нужно замѣтить, что палестинскіе іудеи не отрицали совер-

шенно подобныхъ увѣреній, и гораздо охотнѣе подчинялись вліянію вавилонскихъ, чѣмъ другихъ, напр. александрійскихъ іудеевъ, которые могли по праву рассчитывать на интеллектуальный авторитетъ между ними. Не одинъ изъ знаменитыхъ палестинскихъ раввиновъ вышелъ изъ долины Евфрата, и между прочимъ Гиллель.

Такое стремленіе вавилонскихъ іудеевъ къ религіозной независимости отъ Іерусалима естественно усилилось послѣ того, какъ разрушеніе храма лишило Іудею самаго важнаго права на первенство и когда безуспѣшность всѣхъ попытокъ къ его восстановленію внушила убѣжденіе, что эта потеря невозвратная. Свободное и счастливое іудейство паредикской имперіи пришло къ сознанію своего первенства въ особенности послѣ неудачи Вар-Рохба, когда эдикты Адріана грозили конечнымъ истребленіемъ іудеевъ въ предѣлахъ римской имперіи. Нѣкоторое время въ Наардеѣ былъ самостоятельный санхедринъ, такъ что законный санхедринъ палестинскій, восстановленный послѣ Адріана, съ трудомъ могъ принудить его къ подчиненію себѣ. Нѣкоторые раввины даже думали, что переселеніе Израиля въ Халдею при Навуходоносорѣ было событіемъ, которое устроено было промысломъ къ благу іудеевъ, что стремленіе восстановить царство іудейское при Кирѣ было ошибкою, и что истинный Израиль съ того времени оставался только на берегахъ Евфрата. Само собою разумѣется, подобныя убѣжденія, столь противоположныя всѣмъ идеямъ прошедшаго, раздѣлялись немногими; но постепенный упадокъ палестинскаго іудейства, побѣда христіанства и сравнительно лучшее положеніе іудеевъ на Евфратѣ почти оправдывали эти раціоналистическія воззрѣнія.

Этимъ въ извѣстной степени независимымъ положеніемъ іудеевъ вавилонскихъ объясняется то, что въ паралель съ Талмудомъ іерусалимскимъ (Talmud Ieruschalemi), или tradi-

ціоннымъ ученіемъ Іерусалима, образовался Талмудъ вавилонскій (Talmud Babil). Наступило время, когда іудеи вавилонскіе, прежде болѣе преданные міру и менѣе строгіе въ религіозномъ отношеніи, съ такою же ревностію привязались къ раввинизму, какъ и іудеи іерусалимскіе. Школы Шумбадиты и Сяры посѣщались сотнями раввинскихъ учениковъ. Самые *князья переселенія* увлекались раввинствомъ. Въ формализмъ и тонкости вавилонскіе ученые превзошли даже своихъ палестинскихъ собратьевъ. Какъ эти послѣдніе, они такъ же долгое время держались ученія устнаго; но, такъ же какъ и палестинцы, они скоро были вынуждены прибѣгнуть къ писанію. Причиной этого было не торжествующее христіанство, грозившее истребленіемъ іудейскихъ преданій, а персидскіе маги, враждебные іудейству гораздо болѣе христіанства. При Фирузѣ (458—467) синагоги были разрушены и раввинскія школы закрыты. Это-то обстоятельство около 500 года вызвало событіе высочайшей важности въ судьбахъ іудейства—составленіе и окончательное утвержденіе Талмуда вавилонскаго.

IV.

Теперь перейдемъ къ внутренней исторіи іудейства, чтобы показать, какимъ образомъ возникла новая религія іудейства—безъ священства, безъ алтаря, религія, утверждавшаяся на одномъ только писаніи и раввинскомъ ученіи. Мы говорили, что тотчасъ же послѣ взятія Іерусалима Титомъ старый раввинъ Іохананъ возстановилъ въ Імніи санхедринъ и что авторитетъ этого учрежденія, законность котораго основывалась только на необходимости, былъ признанъ всѣми іудейскими общинами. Къ этому санхедрину присоединена была раввинская школа, которая съ этого времени стала великимъ проводникомъ священнаго преданія. Семь знаменитыхъ учителей, называемые *таннаитами* или репетиторами преданія, сосредото-

точивались около Иоханана и продолжали устное преподавание закона древних книжниковъ. Въ 80 году мѣсто Иоханана занялъ Гамалиилъ II, внукъ того Гамалиила, который славился своимъ происхожденіемъ отъ великаго Гиллела и уроки котораго слушалъ апостолъ Павелъ. Съ Гамалиила II достоинство *passi* или іудейскаго патріарха, утверждаемаго санхедриномъ и предсѣдательствующаго въ немъ, стало наслѣдственнымъ въ этой фамиліи, производившей свое родословіе по женской линіи отъ дома Давидова.

Гамалиилъ II былъ безспорно однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей іудейской исторіи настоящаго періода. Замѣчательно, что въ это время и въ христіанскомъ и въ іудейскомъ мірѣ проявляются одинаковыя стремленія въ объединенію, къ утвержденію виѣшняго центра, въ видахъ наиболѣе чистаго сохраненія преданій: какъ будто подъ властію римской имперіи требовалось объединеніе и въ религіи, какъ и въ политикѣ. Гамалиилъ II былъ главнымъ дѣятелемъ въ объединеніи религіозныхъ преданій іудейства. Его вниманіе преимущественно обращено было на то, чтобы возстановить единство въ направленіи школъ, открытыхъ въ различныхъ мѣстахъ Палестины послѣ школы ямнійской. Гамалиилъ II объявилъ, что *bat-col*—голосъ съ неба рѣшилъ, что и ученіе Гиллела и ученіе Шаммаи равно божественны, но что въ практикѣ должно слѣдовать ученію Гиллела. Нѣкоторые ревностные шаммаиты протестовали противъ этого способа рѣшенія вопроса, но ихъ возгласы были оставлены безъ вниманія. Школа Шаммаи съ своимъ упорнымъ фарисействомъ была отодвинута на задній планъ, и съ этихъ поръ въ раввинизмѣ стало преобладать болѣе практическое и мирное, не менѣе педагогическое, но болѣе раціональное направленіе Гиллела. Гамалиилъ озаботился также пересмотромъ мифовъ и толкованій закона по преданію, съ тѣмъ чтобы по возможности

звести однообразныя толкованія и ограничить при толкованіи личный произволъ каждаго раввина. Это былъ первый шагъ къ систематизаціи необъятной громады устныхъ преданій, которыя позже должны были получить письменное утвержденіе въ Талмудѣ. Было введено испытаніе совѣсти для желающихъ поступить въ раввинскую школу; отлученіе изъ синагоги, подобное отлученію отъ церкви въ христіанствѣ, было усилено по своей строгости, и отлученію этому подвергся не одинъ изъ упорствовавшихъ раввиновъ. Въ тоже время патріархъ ввелъ нѣсколько обрядовъ, клопнившихся къ возвышенію своего личнаго достоинства. Гамалиль строгими мѣрами настолько ослабилъ симпатіи къ себѣ, что на нѣсколько лѣтъ былъ лишенъ своего сана, но предъ смертію былъ возстановленъ въ достоинствѣ патріарха, и его преемники слѣдовали той же политикѣ.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ преемниковъ Гамалила былъ тотъ раввинъ Акиба, который, какъ мы видѣли, принималъ такое дѣятельное участіе въ возмущеніи Варкохбы. Его біографія отличается нѣкоторымъ романтизмомъ отъ прозаическихъ біографій другихъ раввиновъ. Его родъ считалъ свое происхожденіе отъ Сисары, полководца ханаанскаго, убитаго Іаилею во времена судей израильскихъ. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ былъ въ услуженіи у одного богатаго іерусалимскаго патріота и страстно увлекся его дочерью Рахилею, которая съ своей стороны обѣщала выйти за него замужъ не иначе какъ—если онъ сдѣлается раввиномъ. Тогда Акиба, не получившій никакого образованія, съ невѣроятною ревностію и настойчивостію предался ученымъ занятіямъ и достигъ своей цѣли. Но странному соединенію высокаго религіознаго энтузіазма и самой крайней схоластической утонченности, Акиба выработалъ поразительную систему нелѣпостей, тигулованныхъ именемъ толкованій писанія, систему, по кото-

рой каждый слогъ, каждая буква, каждая грамматическая и орфографическая ошибка священнаго текста имѣетъ таинственный смыслъ, который мудрость ученыхъ должна объяснить ¹⁾. Другой раввинъ того же времени, Иисусъ Бен-Хананія, представляетъ значительный контрастъ съ Акибою. Мягкій и примирительный, онъ былъ далекъ отъ схоластически-раввинской строгости Акибы въ толкованіяхъ и хотѣлъ примирить отношенія между іудеями и римлянами. Онъ былъ крайне безобразенъ; историки говорятъ, что когда онъ былъ посланъ къ императору (неизвѣстно какому) въ числѣ депутатовъ, то одна княжна изъ императорской фамиліи смѣясь спросила его: почему это столько мудрости заключено въ такомъ некрасивомъ сосудѣ.—Княжна, отвѣчала старый раввинъ, хорошее вино не хранить въ золотыхъ сосудахъ.

Іерусалимскій санhedринъ впервые сталъ официально отличать христіанъ изъ іудеевъ отъ іудеевъ вѣрныхъ. До сихъ поръ со времени гоненій, жертвою котораго былъ первомученикъ архидіаконъ Стефанъ, христіанскіе іудеи Палестины, большою частию ревностные хранители закона, признавались одною изъ тѣхъ своеобразныхъ партій или обществъ, которыхъ было такъ много въ Іудеѣ, и не расходясь съ іудействомъ въ основномъ началѣ—святости и обязанности закона,—пользовались значительною свободою дѣйствій и не подвергались стѣсненіямъ безъ особенно-важныхъ причинъ. Для книжниковъ, надутыхъ своею схоластикою, казалось только глупостію и простодушною мечтою убѣжденіе *назареевъ*, что ожидаемый Мессія уже явился въ лицѣ знаменитаго галилейскаго равви, который за нѣсколько десятилѣтій до разрушенія храма былъ осужденъ на смерть и распятъ на крестѣ

¹⁾ Считаемо не лишнимъ замѣтить, что еще съ давнихъ поръ переписчики свещ. книгъ приняли за постоянное правило не исправлять ошибокъ, допущенныхъ предѣльными переписчиками.

Такое безразличное отношеніе къ христіанамъ не могло однакоже долго продолжаться. Христіанскія начала, глубоко укоренившись въ сознаниі христіанъ, болѣе и болѣе проявлялись и въ жизни. Такъ, христіане всегда были равнодушны къ интересамъ теократіи. Они отказывались принимать участіе въ войнѣ противъ римлянъ и удалялись въ Декаполь на другую сторону Іордана. Евангелія и въ особенности апокрифическое евангеліе евреевъ охлаждали въ іудейскихъ христіанахъ ревность къ исполненію закона. Когда іудейство было восстановлено авторитетомъ ямнійскаго санhedрина и больше чѣмъ когда-либо погрузилось въ раввинизмъ, іудейско-христіанскія общины остались независимыми, не видя никакого побужденія примыкать къ этому новому религіозному центру и не чувствуя никакого желанія повиноваться новымъ предписаніямъ раввиновъ. Разрушеніе храма и прекращеніе обрядоваго богослуженія еще болѣе укрѣпили іудейскихъ христіанъ въ направленіи, свободномъ отъ ветхозавѣтнаго закона. Они сознавали, что законъ для нихъ обязателенъ не болѣе, какъ и для язычниковъ, увѣровавшихъ во Христа безъ исполненія обрядоваго закона ихъ соотечественниковъ, видѣвшихъ во Христѣ только обманщика. При такомъ положеніи дѣлъ разрывъ былъ неизбеженъ. *Fiscus judaicus*—этотъ религіозный налогъ на іудеевъ по вѣрѣ—и въ особенности жестокости при взываніи его при Доминіанѣ (см. выше) еще болѣе условливали этотъ разрывъ: мы видимъ, что въ это время христіане изъ іудеевъ уже отказываются отъ обрѣзанія и нѣкоторыхъ другихъ отличительныхъ признаковъ іудейства. И ямнійскій санhedринъ съ своей стороны около этого же времени выступаетъ противъ *minim* или *выродившихся*, какъ называются христіане въ Талмудѣ. Раввинъ Тарфонъ рѣшительно осуждаетъ христіанъ. «Евангеліе говоритъ намъ, и всѣ книги христіанъ должны быть сожжены, потому что язычество

женіе опасно: оно по невѣдѣнію не признаетъ истинъ іудейства, а христіане отрицаютъ ихъ вполне сознательно. Лучше искать спасенія въ храмѣ языческомъ, чѣмъ въ синагогахъ *минимъ* (христіанскихъ). Ямнійскій санхедримъ предписывалъ вѣрнымъ іудеямъ относиться къ христіанскимъ іудеямъ какъ къ язычникамъ, книги ихъ назывались чародѣйскими, бѣсовскими,—была даже внесена формула проклятія христіанъ въ повседневную молитву іудеевъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если іудеи-христіане рѣшительно не сочувствовали возмущенію Вар-Кохбы и много потерпѣли во время правленія этого диктатора. Съ этого времени насталъ рѣшительный и полный разрывъ между обѣими партіями. Взаимная ненависть окрѣпла, но, не имѣя возможности выразиться въ правильномъ и открытомъ гоненіи враждебной партіи, она обнаруживалась съ той и другой стороны мелкими, но иногда довольно характеристичными интригами. Мы представимъ одинъ примѣръ. Одною изъ прерогативъ санхедрина и однимъ изъ средствъ къ возвышенію власти патріарха было утвержденіе календаря и публикація о времени празднованія большихъ праздниковъ, освященныхъ закономъ и преданіемъ. Годъ израильскій былъ лунный. Праздничные дни считались по ихъ отношенію къ новолунію. По древнему обычаю, получившему начало еще въ тѣ времена, когда не умѣли напередъ опредѣлить лунныхъ измѣненій и соответствующихъ этимъ измѣненіямъ чиселъ, патріархъ увѣдомлялся о появленіи новой луны особыми наблюдателями, очевидцами, которые, для того чтобы прежде другихъ увидѣть ее, помещались на известной обсерваторіи. По полученіи этого увѣдомленія и по соблюденіи различныхъ формальностей въ удостовѣреніе справедливости его, патріархъ увѣдомлялъ о новотуніи санхедримъ и ближайшія синагоги. Что же касается до синагогъ отдаленныхъ, то остроумная система огненныхъ сигналовъ, повторяе-

мыхъ на безконечномъ протяженіи горъ, въ теченіе ночи передавала посланіе санхедрина въ отдаленныя области Тадморы, малой Азіи и Евфрата. Система эта носила отпечатокъ древности и давала пику воображенію; но религіозная ненависть, вызванная раввинскою нетерпимостію, положила конецъ этому поэтическому телеграфу. Христіане изъ іудеевъ и самаряне тѣшились поддѣлкою сигналовъ санхедрина и успѣвали обманывать іудейскія поселенія Сиріи и Вавилона, которымъ поэтому приходилось праздновать праздники не въ законное время. Патріархи вынуждены были напередъ выдавать годовой календарь и пересылать его съ нарочитыми гонцами. Впослѣдствіи они должны были даже обнародовать и способъ вычисленія, позволявшій каждому опредѣлять время праздниковъ. Это было сильнымъ ударомъ для патріаршаго авторитета.

Этотъ авторитетъ однакоже палъ не ранѣе IV вѣка. До этого времени патріархаты продолжали представлять въ себѣ нѣчто въ родѣ іудейскаго папства. Преемникомъ Симона, сына Гамалиила II, былъ сынъ его Іуда бенъ-Симонъ (170—215), который перенесъ санхедринъ въ Сиппорисъ и присвоилъ себѣ право назначать кандидатовъ на всѣ религіозныя и судебныя должности въ іудейскихъ общинахъ. Его огромное богатство очень много содѣйствовало къ возвышенію его авторитета, о чемъ онъ ревностно заботился. Талмудъ сохранилъ очень много свидѣтельствъ говорящихъ о его крайней щекотливости и жестокости, съ какою онъ преслѣдовалъ стремленія нѣкоторыхъ раввиновъ, искавшихъ независимости. Это однакоже не помѣшало, или можетъ быть правильнѣе—это и было причиною того, что имя его перешло въ потомство съ эпитетомъ *святого*. Раввинъ Іуда святой былъ однимъ изъ великихъ образователей талмудическаго іудейства. Онъ положилъ основу этого громаднаго зданія, утвердивъ однажды навсегда *мишну* или второй законъ, который до его времени

излагался устно и со всею измѣнчивостію устной передачи. Письменное изложеніе этого закона было рѣшительнымъ и важнымъ нововведеніемъ. Мишна, заключенная имъ въ книгу, сдѣлалась, такъ сказать, стереотипнымъ текстомъ, присоединеннымъ къ библейскому тексту и открывавшимъ мѣсто, какъ и этотъ послѣдній, всякаго рода комментаріямъ и дальнѣйшему развитію въ раввинскихъ школахъ. Говорили, не смотря на абсурдъ подобнаго мнѣнія,—что это устное преданіе получило начало отъ самого Моисея, что онъ передалъ его Иисусу Навину, этотъ старцамъ своего времени, а они пророкамъ, которые наконецъ передали оное книжникамъ. Мишна Іуды святаго, вполне воспроизведенная въ Талмудѣ, представляетъ основаніе, исходную точку всего содержанія, всей компиляціи Талмуда и въ правовѣрномъ іудействѣ пользуется неоспоримымъ авторитетомъ. Она была передана іудеямъ вавилонскимъ учениками Іуды святаго, и передана съ нѣкоторыми важными измѣненіями, произведенными, говорятъ, самимъ Іудею въ послѣдніе годы его патріаршества, тогда какъ въ Палестинѣ осталась въ силѣ первоначальная редакція. Отсюда—первое различіе между Талмудомъ іерусалимскимъ и Талмудомъ вавилонскимъ. Языкъ мишны—еще сврейскій, хотя съ примѣсю выраженій арамейскихъ, греческихъ и латинскихъ. Еврейскій языкъ давно уже сталъ языкомъ мертвымъ, но въ школахъ еще изучали его, какъ языкъ священный.

Съ кодификаціею мишны эра таннаитовъ или репетиторовъ окончилась. Мы ничего не сказали о группѣ честныхъ раввиновъ, имена которыхъ, сохраненныя Талмудомъ, составляютъ предметъ благочестивыхъ біографическихъ изслѣдованій со стороны іудейскихъ историковъ. Біографія этихъ раввиновъ вообще очень монотонна и иногда странна до ребячества. Чтобы интересоваться ею, нужно помнить мужество и страданія этихъ мучениковъ раввинизма. Признаемся, насъ

мало трогаетъ скупой осель раввина Пинина, до того приученный своимъ господиномъ ѣсть только одесятствованное сѣно, что умеръ съ голода подлѣ груды сѣна неодесятствованнаго; мы болѣе чувствуемъ симпатіи къ раввину Меиру, который по крайней мѣрѣ изобрѣлъ купоросныя чернила, и тѣмъ оказалъ великую услугу человѣчеству. Вообще изъ ихъ трудовъ можно извлечь очень мало, если не обращать вниманіе на ту существенную, но поразительно сухую и скучную задачу, которой посвятили они жизнь свою. Они своимъ ученіемъ дали іудейской законности тотъ крайній характеръ, какой теперь намъ кажется непонятнымъ. Не спрашивайте, какъ и что говорить мишна о любви къ Богу: въ афористическихъ и сухихъ сентенціяхъ ея объ этомъ говорится несравненно менѣе, чѣмъ въ ветхомъ завѣтѣ. Но сколько угодно спрашивайте, какъ мишна и ея комментаторы опредѣляли тѣ или другія отношенія житейскія: трудно найти что-нибудь, чего здѣсь не было бы опредѣлено, взвѣшено и рѣшено. Толкователи скажутъ вамъ напримѣръ точную сумму, на какую можете рассчитывать бѣдный отъ общественной благотворительности, скажутъ, обязанъ ли молодой супругъ читать *schemash* ¹⁾ въ первый свадебный вечеръ, скажутъ, сколько дѣтей долженъ произвести на свѣтъ честный человѣкъ, чтобы исполнить свой долгъ въ отношеніи къ роду человѣческому и т. п. и т. п. И чего не опредѣляютъ, во что не вмѣшиваются эти предписанія закона?.. Мы встрѣчаемъ слѣды недовольства такимъ законодательствомъ со стороны нѣкоторыхъ раввиновъ, недовольства, которое однакоже осталось безъ послѣдствій.

¹⁾ Такъ называются три отрывка изъ Библии (Втор. 6, 4—9; 3, 13—21; Числ. 15, 37—41) которые, обнимая основныя истины іудейства, часто повторяются какъ въ общественномъ богослуженіи, такъ и въ частной молитвѣ іудеевъ. *Schemash*, т. е. *слушай*,—первое слово перваго изъ этихъ отрывковъ, которыми обозначается совокупность всѣхъ грѣхъ отрывковъ.

Такъ напр. раввинъ Иисусъ жаловался, что мишна иногда вѣшаетъ горы на волосы. Не говоря ни слова о наказаніяхъ въ будущей жизни, мишна была очень строга въ своихъ дисциплинарныхъ правилахъ и часто угрожала бичеваніемъ, даже смертію, нарушителямъ своихъ постановленій.

При Гамалиилѣ III и Іудѣ II, которые были преемниками Іуды святаго съ 210 до 275 г., іудейское патріаршество удержалось въ своемъ высокомъ положеніи и даже возвысилось въ своемъ авторитетѣ. Санхедринъ былъ перенесенъ въ Тиверіаду, и въ этой древней столицѣ Галилеи іудейскій патріархъ являлся въ публикѣ съ почетною стражею. Іуду II обвиняють въ корыстолюбіи и симоніи, и съ его времени патріаршее достоинство, возвышаясь въ вѣншнемъ своемъ блескѣ, начинаетъ терять свое религіозное обаяніе. Но раввинскія школы Палестины были еще великими свѣтлами для своего времени. Іудейскіе ученые, теперь столько же предавшіеся изученію мишны, сколько предшественники ихъ были преданы закону, старавшіеся выжать изъ нея весь возможный смыслъ, вывести всѣ возможные приложенія, — съ этого времени стали называться *ашогаз* или толкователями. Ихъ было не менѣе прежнихъ *таннаитовъ* или репетиторовъ, и исторія ихъ не болѣе разнообразна. Между ними одлакоже можно указать какъ на болѣе оригинальную личность на раввина Іоханана бар-Нанеха, умершаго въ 279 г., самаго авторитетнаго толкователя своего времени, очень враждебнаго въ отношеніи въ Риму, но очень сочувствовавшаго греческой литературѣ. «Симъ и Іафеть, говоритъ онъ, оба покрѣли мантию наготу отца своего: поэтому Симъ получилъ мантию отороченную кистями (одежда раввиновъ), а Іафеть мантию философа (паллій)». Довольно смѣлый въ нововведеніяхъ, Іохананъ дозволялъ въ домахъ для украшенія употреблять картины. Онъ былъ очень красивъ, и Талмудъ, который рѣдко воздерживаетъ

вается отъ упоминанія о подобныхъ мелочахъ, любопытно описываетъ впечатлѣніе, производимое его фізіономіей. «Тотъ кто хочетъ составить понятіе о красотѣ раввина Іоханана, говорится въ Талмудѣ, долженъ наполнить гранатами недавно сдѣланную серебряную вазу, обложить ее по бокамъ красными розами, поставить ее между свѣчю и темнымъ пространствомъ, и отраженіе, какое произведетъ она, будетъ подобно красотѣ раввина Іоханана». Не смотря однакоже на такую красоту, у Іоханана не было бороды и брови его были такъ длинны, что закрывали глаза. Отсюда во взглядѣ его было нѣчто дикое, и легенда говоритъ, что не разъ и безъ всякаго намѣренія онъ убивалъ своихъ враговъ однимъ взглядомъ.— Сколько раввиновъ Іохананъ славился своею красотою, столько же другой современникъ его раввинъ Симонъ бен-Лакишъ славился своею тѣлесною силою. Преданіе говоритъ, что въ циркахъ онъ легко ниспровергалъ и убивалъ дикихъ звѣрей. Всегда нося траурную одежду въ знакъ сѣтованія о гибели своего отечества, онъ никогда не смѣлся. Замѣчательно, что не смотря на строгую теорію богодухновенности священнаго Писанія, признававшую богодухновенность даже слоговъ и буквъ, раввинъ бен-Лакишъ представляетъ примѣръ крайняго, непонятнаго раціонализма въ отношеніи къ нѣкоторымъ книгамъ священнаго Писанія. Въ Талмудѣ говорится, что когда спорили о времени написанія книги Іова и времени жизни Іова и когда одни говорили, что Іовъ былъ современникомъ Моисея, другіе, что онъ жилъ во времена плѣна, Симонъ бенъ-Лакишъ рѣшилъ этотъ вопросъ такъ, какъ рѣшаютъ его большіе частію раціоналисты новѣйшаго времени. Іовъ, сказалъ онъ, не жилъ ни въ какое время, его никогда не было, книга Іова есть *maschal*, т. е. религіозная поэма. Замѣчательно также раціоналистическое отношеніе къ нѣкоторымъ книгамъ священнаго Писанія и другихъ современныхъ рав-

виновъ. Они изобрѣли особый терминъ для обозначенія книгъ, которыя, по ихъ мнѣнію, имѣли сомнительный авторитетъ. «Эта книга», говорили они, «мараешь руки», то есть нужно читать ее съ осторожностію; и въ разрядъ подобныхъ книгъ относили Екклесіастъ и книгу Пѣснь пѣсней. Раввинъ Акба однакоже сохранилъ божественное значеніе книги Пѣснь пѣсней, утвердивъ мысль, что въ ней изображается любовь Божія въ Израилю.

Въ теченіе этого времени раввинское преданіе продолжало свое дѣло утонченныхъ изъясненій закона, полагая уже исходнымъ пунктомъ мишну, и это изъясненіе называлось *гемара*, или толкованіемъ. Такимъ образомъ сложилось то, что можно назвать вторымъ этажемъ талмудическаго зданія; только гемара не была еще издана письменно, подобно мишнѣ. Во время патріаршества Іуды II толковническія школы Вавилона въ авторитетѣ начали соревновать со школами Палестины. Въ особенности извѣстному раввину Абба-Арега, болѣе извѣстному подъ своимъ историческимъ именемъ Рабъ (то есть раввинъ по преимуществу), умершему въ 247 году, вавилонское іудейство обязано было своимъ одушевленіемъ въ раввинизму и раввинскою строгостію, которая замѣнила прежнюю распущенность, отличавшую іудейство вавилонское отъ палестинскаго. Отлученіе отъ синагоги, введенное Рабомъ, было еще гораздо строже палестинскаго: оно опредѣляло въ собственномъ смыслѣ гражданскую смерть. Талмудъ, обыкновенно очень скромный въ разсказахъ о важныхъ историческихъ фактахъ, часто разглагольствуетъ о дѣлахъ семейныхъ, какъ это впрочемъ и естественно въ преданіи народа, лишеннаго политической независимости, но сильнаго внутреннею само-заклученною жизнію. Такъ Талмудъ разсказываетъ, что Рабъ, какъ Сократъ, имѣлъ свою Ысантиппу, которая умѣла только противорѣчить ему; поэтому сыпь его, когда отецъ переда-

валъ черезъ него какое либо порученіе матери, передавалъ ей совершенно противоположное, и этимъ, но только этимъ путемъ достигалось желаніе отца. Рабъ, отличавшійся необыкновеннымъ терпѣніемъ, проклялъ своего сына за эту ложь, и до конца своей жизни терпѣливо переносилъ непріятности отъ своей супруги.

Въ Вавилоніи, благодаря относительной многочисленности и свободѣ іудеевъ, раввины пользовались еще большимъ вліяніемъ и властію, чѣмъ въ Палестинѣ. Ихъ тиранія, сребролюбіе, безправственность часто были предметомъ соблазна для іудеевъ, но недовольство никогда не доходило до возмущенія. Бранили раввиновъ, но продолжали уважать раввинство. Впрочемъ подобныя неблагопріятныя впечатлѣнія ослаблялись примѣрною жизнью высшихъ раввинскихъ авторитетовъ. Наконецъ, въ слѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, паденіе патріархата палестинскаго и сосредоточивавшихся около него школъ представлялось болѣе и болѣе неизбѣжнымъ. Патріархи Гамалиилъ IV (въ концѣ III в.), Іуда III, Гиллель II (въ IV в.) не могли предотвратить этого паденія. Съ патріархомъ Гамалииломъ V, послѣднимъ прямымъ потомкомъ великаго Гиллеля, династія патріарховъ прекратилась, и самое достоинство патріаршее императорскимъ декретомъ въ 425 году было отнято. Но, сходя съ историческаго поприща, іудейское патріаршество оставило по себѣ памятникъ, перешедшій въ вѣка—гемару, которая будучи присоединена къ мишнѣ, сохранила въ Талмудѣ свое значеніе и свой авторитетъ. Палестинская гемара была утверждена и издана письменно въ началѣ V вѣка, или, можетъ быть, нѣсколько раньше. Вѣкомъ позже была канонизована и присоединена къ мишнѣ раввиномъ Аши и ученикомъ его Абиною и гемара вавилонская. Такимъ образомъ сложились все матеріалы Талмуда и можно сказать, что эта необыкновенная компиляція, начатая во вре-

мена Ирода I подъ вліяніемъ Гиллела великаго и оконченная въ концѣ V вѣка, продолжалась столько же времени, сколько существовала римская имперія.

V.

Въ заключеніи намъ остается сдѣлать общій очеркъ самаго Талмуда, этого произведенія нѣспользыхъ вѣковъ, имя котораго знаютъ всѣ, но котораго характеръ такъ мало извѣстенъ внѣ іудейскаго общества. Талмудъ, т. е. *наставленіе*, есть произведеніе столь своеобразное, такъ мало похожее на всѣ другія священныя книги народовъ, что весьма трудно, даже невозможно указать какія нибудь аналогическія черты его съ другими книгами, чтобы непосвященнымъ дать о немъ какое либо понятіе. Сколько разъ христіанскіе богословы просили іудейскихъ ученыхъ составить трактатъ съ краткимъ изложеніемъ существеннаго содержанія Талмуда; послѣдніе обыкновенно отвѣчали, что это дѣло невозможное, и рѣдкія попытки удовлетворить этому столь простому желанію были такъ неудачны, что дѣйствительно болѣе подтверждали, нежели опровергали это мнѣніе. Самое понятіе существеннаго не талмудическое. Съ точки зрѣнія составителей Талмуда въ немъ нѣтъ ничего второстепеннаго. Цѣль Талмуда опредѣлить правила, какъ поступать при всѣхъ возможныхъ случаяхъ въ жизни, чтобы не нарушить предписаній закона, преступленіе которыхъ наказывается проклятіемъ. При такой задачѣ—возможно ли различіе существеннаго и не существеннаго?

Представьте себѣ двѣнадцать огромныхъ томовъ in-folio, каждая страница которыхъ покрыта священными письмецами на еврейскомъ и халдейскомъ языкахъ; текстъ этихъ письменъ, всегда темный, требуетъ отъ всякаго невладѣющаго раввинскою терминологіею продолжительнаго изученія, чтобы не стать въ тупикъ на первыхъ же строкахъ; ex professo въ

этомъ текстѣ не трактуются ни объ одномъ важномъ философскомъ или религіозномъ вопросѣ, но всѣ эти вопросы скучиваются вмѣстѣ, показываются, такъ сказать, въ профиль, представляя на прямой взглядъ только безчисленное множество мелочей раввинской обрядности и при томъ такъ, что эти мелочи въ свою очередь излагаются не въ строгомъ порядкѣ научнаго трактата, но безъ всякой послѣдовательности и связи, такъ, какъ онѣ переданы въ монотонномъ ряду мнѣній того или другаго мнимо-священнаго авторитета. Представьте такое произведеніе, и вы будете имѣть первое, очень поверхностное понятіе о входѣ въ этотъ лабиринтъ. Чтобы проникнуть нѣсколько дальше, мы должны обратиться къ намѣченному нами очерку историческихъ судебъ іудейства.

Мишна и гемара—вотъ два составные элемента Талмуда. Припомнимъ, что мишна, или второй законъ, представляющій раскрытіе и изъясненіе закона Моисеева, канонизованная въ концѣ II вѣка раввиномъ Іудеоу святымъ, сохранилась въ формѣ двухъ переводовъ, іерусалимскаго и вавилонскаго, и что каждая изъ этихъ двухъ мишнъ служила основаніемъ для гемары, или толкованія, которое параллельно расходилось на берега Иордана и на берега Евфрата. Такъ какъ мишна всецѣло послужила основаніемъ для Талмуда и передала ему свое собственное раздѣленіе: то отсюда вообще нужно различать Талмудъ іерусалимскій и Талмудъ вавилонскій. Этотъ послѣдній между правовѣрными іудеями пользовался большимъ авторитетомъ, чѣмъ Талмудъ іерусалимскій. Но для историка, который прежде всего ищетъ древности и простоты, Талмудъ іерусалимскій имѣетъ больше значенія. Эти два мѣстныхъ Талмуда, совокупность которыхъ составляетъ полный Талмудъ, раздѣляются каждый сообразно съ раздѣленіемъ мишны, которую имѣетъ и тотъ и другой, на шесть *sedarim*, или книгъ предисаній, самыя заглавія которыхъ

показываютъ ихъ содержаніе: 1) начатки, 2) праздники, 3) женщины, 4) убытки, 5) посвященія, 6) очищенія. Каждая седедь раздѣляется на трактаты, каждый трактатъ на *perakim*, или главы, и каждая глава на *mischnajot*, или частныя наставленія. Во всемъ Талмудѣ заключается 63 трактата, 525 главъ и 4187 *mischnajot*. Талмудъ вавилонскій вдвое больше іерусалимскаго.

Первая седедь, *начатки*, говоритъ о благословеніяхъ и молитвахъ, которыя должно произносить надъ земными благами,—о правилахъ, опредѣляющихъ права собиранія колосьевъ и собиранія винограда, о десятинахъ, о дозволенныхъ или недозволенныхъ смѣшеніяхъ растеній, животныхъ, матерій, о способѣ готовить тѣсто и подрѣзывать деревья (потому что было запрещено вкушать плоды съ дерева, не достигшаго трехлѣтняго возраста, которе до этого времени считалось необрѣзаннымъ). Вторая книга—*праздники* содержитъ всѣ постановленія относительно субботы, обязательныхъ постовъ, трехъ великихъ и всѣхъ малыхъ праздниковъ іудейскаго года. Третья книга содержитъ законоположенія относительно женщинъ, ихъ общественнаго положенія, ихъ правъ, обязанностей, развода, свадебнаго договора, воспитанія дѣтей. Къ чести раввинской правственности нужно замѣтить, что, не смотря на щекотливость предмета, раввины умѣли уклониться отъ безнравственныхъ описаній и грязныхъ распространеній, какія, по видимому, были неизбежны въ ихъ казуистикѣ.—Четвертая седедь есть нѣчто въ родѣ гражданскаго и уголовнаго кодекса, опредѣляющаго права собственности, законы о продажѣ, наслѣдствѣ, судебныхъ учрежденіяхъ, постановленія относительно воровства, побоевъ, увѣчья и убійства, узаконенія относительно судебныхъ свидѣтельствъ и отношеній къ язычникамъ. Последнее отдѣленіе объ отношеніи къ язычникамъ было причиною многихъ несчастій для іудеевъ. Такъ

какъ въ этомъ отдѣленіи въ сужденіяхъ о другихъ религіяхъ высказывалась сильная нетерпимость къ иновѣрцамъ, то часто думали, что здѣсь имѣется въ виду христіанство, и средне-вѣковые гонители іудейства ссылались на это отдѣленіе въ оправданіе своихъ варварскихъ жестокостей. Поэтому въ нѣкоторыхъ печатныхъ изданіяхъ Талмуда эта глава измѣнена и иногда даже совсѣмъ опускается. Однако глава эта вовсе не враждебна по крайней мѣрѣ по отношенію къ христіанству, и для всякаго безпристрастнаго критика очевидно, что въ ней говорится объ отношеніи къ религіямъ языческимъ. Въ четвертой же книгѣ заключается самый повѣстный изъ всѣхъ талмудическихъ трактатовъ, трактатъ *Pirke Aboi*, т. е. *мысли отцевъ*, содержащій въ себѣ правила самой отдаленной древности, восходящей, какъ кажется, ко времени до разрушенія храма, трактатъ, отличающійся замѣчательно умѣреннымъ и миролюбивымъ направленіемъ. Пятая седезь опредѣляетъ вопросы относительно жертвоприношеній, даровъ, посвящаемыхъ Богу, убоя скота,—матерія очень богатая, надъ которою съ удовольствіемъ потрудилося раввинское остроуміе. Наконецъ, шестая и послѣдняя книга говоритъ объ очищеніяхъ и всѣхъ родахъ оскверненія домовъ, мебели, одежды и пищи. Здѣсь говорится также о прокаженныхъ, объ очистительныхъ обрядахъ, объ общихъ и мѣстныхъ очищеніяхъ и омовеніяхъ. Здѣсь вы узнаете, сколько нужно воды для очищенія рукъ, каковой воды, кто ее долженъ подавать, въ какомъ сосудѣ. Эта книга изъ всѣхъ шести самая длинная и дышетъ антипатіею къ саддукеямъ. Она несомнѣнно показываетъ, что начало ессейзма слѣдуетъ искать въ фарисейскомъ іудействѣ.

Это основное дѣленіе ввелъ Іуда святой. До Гиллела великаго раввина раздѣляли законъ Моисеевъ на 613 отдѣленій, которыя подраздѣлялись на 248 заповѣдей положительныхъ (сообразно съ предполагаемымъ числомъ частей чело-

ческаго тѣла) и на 365 заповѣдей отрицательныхъ (по числу дней года). Эти произвольныя числа Гиллель замѣнилъ 18 главными рубриками; а Іуда святой раздѣлилъ весь Талмудъ на шесть книгъ, о которыхъ мы говорили. Кромѣ этихъ шести *sedarim*, Талмудъ содержитъ еще прибавленіе, состоящее изъ шести небольшихъ трактатовъ, которые, какъ и всѣ части Талмуда, говорятъ объ исполненіи закона въ извѣстныхъ частныхъ случаяхъ.

Въ какой формѣ представляется содержаніе Талмуда? Когда вы открываете одинъ изъ томовъ этого безконечнаго сборника, который носитъ названіе *sefer*, трактатъ или *parak*, то съ того мѣста, гдѣ находится это заглавіе, вы можете начать чтеніе съ извѣстной частной мишны. Въ срединѣ страницы помѣщается текстъ мишны, на еврейскомъ языкѣ; за этимъ текстомъ слѣдуетъ его гемара, на халдейскомъ языкѣ, съ присоединеніемъ объясненій для раскрытія смысла ея. Мы представимъ здѣсь краткій образчикъ этой странной литературы ¹⁾. Мы заимствуемъ отрывокъ изъ Талмуда вавилонскаго, изъ книги первой, изъ перваго трактата *berachot*, или благословенія, — изъ главы пятой.

«Мишна.—Тому, кто говоритъ въ молитвѣ: «до гнѣзда птицы простирается милосердіе Твое», или: «имя Твое прославлено благодарнѣй Твоимъ рацѣ», или еще: «благодаримъ, благодаримъ» — должно наложить молчаніе.

---

¹⁾ Ни на одномъ языкѣ нѣтъ полного перевода Талмуда. Одинъ калифъ, говорятъ, хотѣлъ имѣти полный переводъ и сдѣлалъ его на свой счетъ; но этого перевода никогда не выдали. Нѣкоторые трактаты отрывками и мишна, также отрывками, иногда были переводимы на латинскій и нѣмецкій языки. Въ 1843 году д-ръ Пинчеръ, подъ покровительствомъ Императора Николая Павловича издалъ первый томъ Талмуда въ нѣмецкомъ переводѣ съ параллельнымъ текстомъ. Но къ сожалѣнію за этотъ первый томъ, который содержитъ только первый трактатъ первой книги, доселѣ не послѣдовало продолженія.

«Гемара.—Справедливо налагать молчаніе тому, кто въ молитвѣ говоритъ: «благодаримъ, благодаримъ»,..... потому что онъ показываетъ стремленіе вѣровать въ двѣ верховныя силы; также и тому, кто молится, говоря: «имя Твое препрославлено благодареній Твоихъ ради», потому что изъ этого слѣдуетъ, что онъ благодаритъ Бога только за доброе, а не за худое также какъ и за доброе. Что касается словъ: «до гнѣзда птицы простирается милосердіе Твое», то почему налагается молчаніе на произносящаго эти слова? На этотъ вопросъ два толковника западныхъ (то есть палестинскихъ), раввинъ Іосія бен-Абинъ и раввинъ Іосія бен-Сабидя, отвѣчаютъ различно. Одинъ говорилъ: потому что этимъ вызывается ревность въ другихъ тваряхъ, другой говорилъ: потому что этимъ изволенія Святаго, да будетъ благословенно имя Его, представляются только милосердными, тогда какъ они суть только повелѣнія».

Гемара продолжаетъ въ томъ же тонѣ, рассказывая, какъ раввины Ханина не любили, чтобы въ молитвѣ дѣлали длинный перечень совершенствъ Божіихъ, и думалъ, что человѣкъ долженъ выражать въ молитвѣ только страхъ къ Богу,—и такъ думалъ слѣдуя преданію, засвидѣтельствованному раввиномъ Симеономъ бен-Юхал; тогда какъ раввинъ Сеира и Раб-Папа не совсѣмъ были согласны относительно вопроса о повтореніяхъ молитвы. Раб-Папа даже признавалъ полезнымъ это повтореніе въ томъ случаѣ, когда въ первый разъ благодареніе произнесено съ разбѣжностью.

Рядомъ съ этими изреченіями, всегда основанными на преданіи, сгруппированы глоссы, примѣчанія и поясненія, способствующія къ пониманію ихъ смысла и принадлежація даже раввинамъ XI и XII вѣка. Объясненія эти необходимы по крайней мѣрѣ для насъ, чуждыхъ іудейству профановъ, и часто даже эти самыя объясненія для пониманія нуждаются

въ поясненіяхъ другихъ позднѣйшихъ раввиновъ. Кто, напримеръ, повѣрилъ бы, что сейчасъ представленный нами отрывокъ приводитъ насъ къ столкновеніямъ между раввинскими школами и іудейско-христіанскими обществами, столкновеніямъ, бывшимъ во 2 вѣкѣ? Однако это неоспоримо. Въ христіанско-іудейскихъ общинахъ въ молитвахъ благость Божія восхвалялась преимущественно предъ всѣми другими совершенствами Божиими, и это не нравилось строго-законному раввинизму. Повтореніе формулы: благодаримъ, благодаримъ—также указываетъ, кажется, на какую нибудь христіанскую молитву того же времени, въ которой съ именемъ Бога въ молитвахъ христіанъ соединялось имя Христа.

И все содержаніе Талмуда развивается съ такою же растянутостію и загадочною таинственностію, также тяжело и медленно, съ такимъ же безпорядочнымъ сопоставленіемъ безчисленнаго множества преданій, съ безконечными тонкостями и безъинтересными для насъ мелочами, но вмѣстѣ съ постоянно невозмутимую важностію. Не ищите здѣсь драматическихъ разсказовъ, простыхъ и ясныхъ правилъ, высокой поэзіи библейскихъ книгъ: Талмудъ не знаетъ ничего подобного. Наша средневѣковая схоластика въ сравненіи съ нимъ представляетъ безконечно болѣе разнообразія. Чтеніе его, по крайней мѣрѣ для насъ, необыкновенно утомительно, и необходимо или то полиѣйшее благоговѣніе, какое внушаетъ эта книга природнымъ іудеямъ, или нѣмецкая страсть къ ученымъ изысканіямъ, чтобы съ досадою не закрыть книги, перелиставши лишь нѣсколько страницъ. Не смотря однакоже на это, нужно признать, что если іудейство въ Талмудѣ обнаружило свое разложеніе, то это разложеніе дало ему каменную твердость. Молодые раввины, воспитанные въ подобной школѣ, получали неизгладимый отпечатокъ. Изъ этихъ безжалостныхъ тисковъ ихъ духъ выходилъ сдавленнымъ, но окрѣпшимъ, съ

особеннымъ направлѣніемъ, которое уже не позволяло имъ мыслить и чувствовать подобно другимъ людямъ. Были блестящія исключенія, но весьма рѣдки. Большею частію раввины, съ необыкновенно развитою памятью, необыкновенно тонкіе диалектики, были мало способны къ общимъ идеямъ и къ философскимъ воззрѣніямъ. Руководимый этими раввинами, іудейскій народъ получалъ такое же направленіе, и привыкъ требовать отъ Талмуда рѣшенія всѣхъ вопросовъ, всѣхъ затрудненій, указаній для всѣхъ дѣйствій въ жизни отъ минуты рожденія до смерти. Талмудъ въ собственномъ смыслѣ былъ національною энциклопедіею. Въ немъ искали и въ немъ находили все,—астрономію, ботанику, зоологію, физику, медицину. Весьма легко было бы сдѣлать посмѣшище изъ этого произведенія. Талмудъ переполненъ дикими идеями, ребяческими правилами, грубыми суевѣріями. При всемъ томъ среди этого хлама нерѣдко можно находить истинные перлы. По мѣстамъ встрѣчаются мысли возвышенныя, полныя оригинальности, дышавшія чувствомъ гуманности и справедливости, которыя мирять насъ съ часто безплодною болтливостію старыхъ раввиновъ. Отсюда отчасти понятна какая-то дѣтская привязанность ученыхъ іудеевъ къ этимъ архивамъ ихъ религіознаго преданія. Въ самомъ дѣлѣ, Талмудъ, прочитанный и изслѣдованный теперь при свѣтѣ нашей критики, далъ много полезныхъ указаній по части исторіи и библейскаго экзегеза; въ особенности онъ выяснилъ истинный характеръ іудейства въ ту эпоху, въ отношеніи къ которой знаніе этого характера для насъ особенно интересно; эта непрерывная цѣпь изреченій старыхъ раввиновъ содержитъ много любопытныхъ и назидательныхъ подробностей, хотя она не обогатила религіозной мысли никакимъ новымъ взглядомъ, никакой великою идею.

Времена перемѣнчивы. Въ вѣка нетерпимости, когда христіанство преслѣдовало іудеевъ въ возмездіе за страшное

преступленіе богоубійства и когда это преслѣдованіе выгнало ихъ изъ странъ, гдѣ они искали убѣжища, Талмудъ, для каждаго новаго поколѣнія, оживляя уважаемыхъ учителей прошедшаго, продолжая до среднихъ вѣковъ цѣль преданій, первое звено коихъ восходитъ до древней Халдеи и до самыхъ отдаленныхъ вѣковъ, внушала своимъ адептамъ ту аристократическую гордость, которая могущественно поднимала духъ обществъ, поработенныхъ грубою силою, внушала и ту твердость и преданность волѣ Божіей, которая въ эпоху продолжительныхъ и тяжкихъ страданій возникаетъ при воспоминаніи о знаменитыхъ предкахъ. Кто изъ европейскихъ знаменитостей можетъ сравниться по древности рода съ послѣднимъ изъ сыновъ Израиля, который на лицѣ своемъ носитъ неизгладимый отпечатокъ своего происхожденія отъ патріарховъ? Какая изъ нашихъ церквей можетъ спорить въ этомъ отношеніи съ синагогою, дочерью пророковъ, внукою Синаи? Книга іудейства—Талмудъ образовалась во времена преслѣдованія, и ея наставленія повсюду отображаютъ въ себѣ слѣды этого тяжкаго времени. Но іудейство и его религіозный кодексъ умѣли пережить это тяжелое время. Заблужденія Талмуда, его мслочіи, его смѣшныя стороны не могутъ отнять отъ него славы,—славы, что онъ выстрадалъ вѣковыя угнетенія.

Но если въ настоящее время, по мѣрѣ того, какъ въ духѣ обществъ и народныхъ законодательствахъ утверждаются начала вѣротерпимости,—евреямъ предоставляется свобода совѣсти и равенство правъ; то естественно возникаетъ вопросъ: при этихъ условіяхъ сохранить ли Талмудъ тотъ безусловный авторитетъ, какимъ онъ пользовался столь долгое время? Талмудъ предполагаетъ, что онъ назначается для народа разсѣяннаго, угнетеннаго, но народа, который вездѣ сохраняетъ свою особую національность. Но въ настоящее время несомнѣнно,—и мы конечно не будемъ жалѣть объ этомъ,—

несомненно, что еврей, считая страпу, въ которой живетъ, своимъ истиннымъ отечествомъ и становясь равноправнымъ съ иновѣрцами, отказывается не отъ религіи своей, которую онъ свято сохраняетъ, а отъ своей природной національности. Отреченіе отъ національности есть уже въ извѣстной мѣрѣ и отреченіе отъ Талмуда. Это послѣдній ударъ, которымъ безпощадно время поражаетъ существенныя начала іудейства.

Въ самомъ дѣлѣ нельзя не замѣтить, что и Талмудъ не могъ устоять противъ неизбежнаго закона прогресса. Многія знаменательныя движенія въ средѣ современнаго іудейства показываютъ, что иго Талмуда начинаютъ признавать обременительнымъ и, что еще хуже, бесполезнымъ. Всепоглощающій ритуализмъ стараго раввинизма, понимаемый серьезно, оказывается такъ же непримиримымъ съ общественнымъ устройствомъ, какъ клерикальный или догматическій деспотизмъ, требуемый другими религіозными формами іудейства. Предписанія Талмуда физически невозможно примирить съ требованіями современной жизни, и многіе образованные іудеи, не отвергая существенныхъ началъ іудейства, свободно оставляютъ произвольныя и неудобно-исполнимыя требованія закона. Хотя въ странахъ, гдѣ особенно много іудеевъ, какъ въ Польшѣ, въ Голландіи и въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, авторитетъ Талмуда еще очень силенъ, особенно въ низшихъ классахъ, но стремленіе къ освобожденію изъ-подъ его авторитета болѣе и болѣе увеличивается, и безусловное господство Талмуда, начавшееся съ эпохи преслѣдованій, вѣроятно и окончится съ нею.

Въ интересахъ будущей судьбы іудейства нужно желать, чтобы оно, упрощая свой столь сложный и столь обременительный законъ и возводя его къ великимъ началамъ монотеизма съ его высокою нравственностію, постепенно болѣе и болѣе уничтожало ту стѣну, которая раздѣляетъ его отъ

остального міра. Не только Римъ и Женева, но и Іерусалимъ дается въ реформы, которую впрочемъ не должно смѣшивать съ разрушеніемъ. Факты доказываютъ, что іудейство способно существовать подъ самыми разнообразными формами. Бывъ первоначально священническимъ, оно въ продолженіе цѣлыхъ восемнадцати вѣковъ было чисто раввинскимъ, и однакоже не умерло. Извѣстно, что каждый годъ іерусалимскіе іудеи въ извѣстный день слоняются плакать около развалины древней стѣны, которую они признаютъ послѣднимъ остаткомъ храма, разрушеннаго Титомъ. Конечно, эта вѣрность воспоминаніямъ старины представляетъ въ себѣ много трогательнаго и поэтическаго; но можно думать, что просвѣщенное іудейство нашего времени было бы крайне возмущено, если бы султанъ, возобновляя неудавшійся проектъ Юліана, вздумалъ снова построить храмъ для того, чтобы возстановить въ іудействѣ левитское богослуженіе. Есть идеи и явленія, имѣющія мѣсто только въ древности, — и іудейство въ настоящее время едва ли мыслимо въ своихъ ветхозавѣтныхъ формахъ. Но и іудейство талмудическое должно въ свою очередь уступить новѣйшей цивилизаціи точно также, какъ іудейство священническое пало подъ ударами римской имперіи. Іудейство останется, но іудейство монотеистическое, нравственное, духовное. Если іудейство рѣшительно вступить на этотъ путь, который совѣтуютъ ему лучшіе изъ его сыновъ, то оно значительно сблизится съ христіанствомъ; а съ этимъ сближеніемъ по духу высокой нравственности и при очень замѣтномъ въ настоящее время ослабленіи прежнихъ мессіанскихъ иллюзій, не позволительно ли, предполагать, хотя въ далекомъ будущемъ, возможности обращенія ко Христу и спасенія *всего Израиля*?

А. В.—новѣ.